

МАСОНСТВО И ПРАВОСЛАВНАЯ ИМПЕРИЯ: НАЧАЛО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Провозглашение Великой ложи Лондона в 1717 г. и публикация книги «Конституций» Дж. Андерсона в 1723 г. открыли летопись масонского движения. В самое короткое время оно перешагнуло границы Англии, распространившись в большинстве стран Европы. Не осталась в стороне и Российская империя: в С.-Петербурге появились первые «вольные каменщики». Однако «английские» ложи быстро утратили монополию: уже в 50-е гг. XVIII в. в Россию проникло «шотландское» масонство. Помимо классических степеней обновленного братства – ученик, подмастерье, мастер – оно признавало дополнительные, «высокие степени». Его adeptом стал актер придворного театра Луи Теодор де Чуди¹. Высоким покровителем «шотландцев» объявил себя И.И. Шувалов, фаворит императрицы Елизаветы Петровны.

Спустя два десятилетия широкую известность в С.-Петербурге приобрел обряд строгого послушания, зародившийся в Пруссии. Он распространялся усилиями гвардейского генерал-аудитора барона А.Б. фон Рейхеля. Успешную конкуренцию раннему немецкому масонству в России составили шведские, или «рыцарские», ложи. Их страстным пропагандистом явился князь А.Б. Куракин. В 1778 г. сторонники шведского обряда соединились в единую масонскую структуру, которую возглавил Капитул Феникса². Спустя год в С.-Петербурге состоялось торжественное открытие Великой Национальной ложи, подчинявшейся Стокгольмскому капитулу и его патрону герцогу Карлу Зюдерманландскому. Ее возглавил князь Г.П. Гагарин. В тщетных попытках объединить российских «каменщиков» протекала деятельность И.П. Елагина. В 1772 г. он получил из Лондона статус Великого провинциального мастера, а также патент на создание Великой ложи России³.

В последней четверти XVIII в. наиболее известными в Российской империи центрами масонского движения стали С.-Петербург, Кронштадт, Рига, Митава, Ревель, Москва, Владимир, Яссы и Архангельск. Несмотря на широкий ареал распространения, количество местных «вольных каменщиков», по всей видимости, не превышало 1 000, а количество лож – 100⁴. В российских ложах преобладали иноземные масоны. Нередко немцы, англичане и французы заполняли масонские собрания полностью. Таковой, к примеру, была ложа Трех Знамен, созданная в Москве и следовавшая уставам шотландского обряда. В 1779–1782 гг. она почти полностью состояла из немцев и работала на немецком, изредка на французском языках⁵. Конкуренцию иностранным ложам составляли смешанные по национальному составу, а потому – русскоязычные, ложи⁶. Однако выбор языка при организации масонских лож в России никогда не являлся принципиаль-

ным вопросом: все решал традиционно высокий уровень образованности представителей высших сословий, являвшихся основными волонтерами движения. Возникшая проблема, которая препятствовала распространению масонства в разночинской (менее образованной) среде, была решена в конце XVIII в., после появления переводных масонских уставов.

Адаптированные масонские документы полностью соответствовали западным оригиналам и допускали лишь незначительные стилистические отступления. Так, важнейшие разделы масонских «Предписаний», вошедшие в книгу «Конституций», были продублированы в тексте «Всеобщих законов» (1782 г.), которыми руководствовались «братья» в России⁷. О.Ф. Соловьев, анализируя текст масонской клятвы XVIII в., выделяет три уровня совпадающих требований: верность Богу, закону, правительству и Отечеству; соблюдение христианских добродетелей; сохранение своих внутренних тайн⁸.

Преемственность с книгой «Конституций» прослеживается в найденном в начале XX в. историком Т.О. Соколовской «Уставе вольных каменщиков», регламентирующем работу регулярной ложи⁹. Его первый раздел озаглавлен «О должностях к Богу и религии». Как и в тексте английских «Предписаний», российскому «вольному каменщику» рекомендовано свято придерживаться веры в Бога и «божественного закона Христа Спасителя». В полном соответствии с канонами апостольской веры здесь особо оговаривалось бессмертие души. Если первая клятва русского масона давалась Богу, то вторая, в полном соответствии с духом братства – Отечеству и государю. Значительное внимание в русском «Уставе» уделено следованию нравственным законам, благотворительности, уважению к Ордену и себе подобным. Так поддерживалась тесная связь европейского и русского масонства, которая опиралась на взаимное желание сохранить организационное единство Ордена «вольных каменщиков». Масонские ложи Российской империи проводили заседания в точном соответствии с общепринятыми на Западе уставами и обрядниками. Совпадали в XVIII в. и идейные пристрастия масонских лож Западной и Восточной Европы.

Социальный срез первых масонских структур России являл собой картину исключительно чиновничье-дворянскую. Не удивительно, что православные масоны, равно как их «братья» на Западе, стремились обрести покровительство властей и правящего монарха. Законодателями моды здесь выступали представители приближенной ко двору аристократии. В списке основоположников и активных участников масонского движения в России на протяжении XVIII в. неизменно присутствуют самые родовитые фамилии. Среди них графы П.И. Панин, Н.Н. Головин, З.Г. Чернышев, А.К. Разумовский, А.С. Строганов, князя Н.В. Репнин, Ю.В. Долгорукий, Г.П. Гагарин, А.Б. Куракин. Разночинские же элементы долгое время не допускались в ложи.

В конце 1770-х – начале 1780-х гг. в масонских структурах России наметились важные перемены. Они были обусловлены внутренними обще-

ственными процессами, хотя и совпали по времени с очередными масонскими реформами на Западе. Свою роль сыграл эффект временного охлаждения к масонству в высшем свете. Модное увлечение на время превратилось в элемент поднадоевшего подражания. Парадная мишура иноязычных собраний, непонятно-бессмысленные обряды, засилье иностранцев, скучнейшие заседания, недостижимость участия для простого человека – все это породило недоверие, а иногда и враждебное отношение к чужакам-«фармазонам».

Однако ложи чудаковатых «каменщиков» не были преданы забвению: масонские собрания успели превратиться в важный элемент стратегии личной и социальной идентификации. Принадлежность к братству давала человеку ощущение причастности к слою добродетельных и просвещенных подданных, то есть к избранным. Наряду с клубами, литературными и научными обществами, салонами и театрами ложи успели утвердить себя также в качестве нового института публичной сферы. В восприятии посвященного, масонский храм обеспечивал течение жизни в неизведанной ранее системе координат – за пределами службы, церкви и семьи¹⁰. У «братьев» были все основания гордиться званием масона.

Как и в большинстве европейских стран, активными участниками очередной масонской модернизации стали представители дворянской интеллигенции, избравшие непростую стезю критиков-вольномыслителей. В движении «вольных каменщиков» российские эпигоны увидели столь необходимую для них среду, способную воспринять пропаганду передовых воззрений. Так масонские ложи в России, никогда не помышлявшие о фронде, вплотную приблизились к запретной для них сфере политики и неминуемо должны были вступить в конфликт с государственной властью.

Новое поколение русских масонов, возвращенное на высоких идеалах европейского свободомыслия, настойчиво искало философские системы, которые более точно соответствовали бы их собственным представлениям об истине и благе. В итоге в 1783 г. в Москве был учрежден орден Злато-розового Креста, участники которого являлись последователями взглядов французского мистика К. де Сен-Мартена. Он стал филиалом Берлинского ордена розенкрейцеров, возглавлявшегося известным масоном и медиком И.Х. Таденом. Переговоры о создании российского ордена провели И.Е. Шварц и П.А. Татищев, отправившиеся в Пруссию на поиски «истинного масонства»¹¹.

Впервые о существовании ордена розенкрейцеров было заявлено в 1614 г. в манифесте под названием «Fama Fraternalitatis R.C.» («Откровение Братства Высокочтимого ордена Розового Креста»). Текст этого документа, с изложением учения розенкрейцеров на латыни и на немецком, был адресован «всем ученым и правителям Европы»¹². На первом месте здесь упомянуто ремесло врачевания «больных безнадежно»¹³, что, по всей видимости, подразумевало оказание помощи бедствующему человечеству. Второй пункт оговаривал манеры поведения разноплеменных членов ор-

дена в повседневной жизни. В частности, все они обязывались носить одежду в соответствии с обычаями той земли, где они находились. Третий устанавливал обязательность ежегодных собраний. Четвертый предлагал каждому «брату» найти себе преемника. В пятом речь шла об установлении примитивных мер конспирации, которые сводились к оглашению слова-пароля розенкрейцер. Последней, шестой, пункт определял сроки тайной деятельности ордена: 100 лет¹⁴.

Основателем общества в книге назван немецкий мистик Х. Розенкрейц. Этот человек родился в 1378 г. и, будучи воспитанником одного из монастырей, якобы еще в юном возрасте, побывал в Палестине, Аравии и Египте. На Востоке он семь лет приобщался к мудрости. Вернувшись на родину, создал тайное общество с целью реализации полученных знаний, которые являлись, по-видимому, синтезом иудейского, исламского и христианского гнозисов. Оно получило название орден розенкрейцеров, составленное по двум названиям: розы, символа вечности, и креста, символа страдания¹⁵. Нет сомнений, что речь идет о легендарной личности, реальность существования которой в истории осталась недоказанной. При рассмотрении легенды бросается в глаза поразительное совпадение историко-аллегорических корней розенкрейцеров и масонов. Неслучайно члены братства Розы и Креста, порожденного эпохой Возрождения, дополнили масонское движение, превратившись в избранный круг «вольных каменщиков».

После возвращения И.Е. Шварца и П.А. Татищева в Москву в состав российского ордена розенкрейцеров была незамедлительно включена влиятельная Материнская ложа Трех Знамен. Конституционный патент на ее создание был выдан много ранее – 18 августа 1779 г. Он был подписан герцогом Ф. Брауншвейгским – избранным шотландским Великим мастером соединенных масонских лож Германии. Первое собрание ложи состоялось 21 сентября 1779 г. Поначалу она выделялась приверженностью немецким и французским уставам. Однако после утверждения розенкрейцеровских традиций в ней произошли глубокие изменения. Главную роль в масонской «перестройке» сыграли люди, получившие новые полномочия. В частности, профессор-филолог Московского университета И.Е. Шварц был назначен «единственным верховным представителем теоретической степени» во всей России¹⁶.

Между Москвой и Берлином завязалась переписка, по итогам которой российские розенкрейцеры взяли на себя обязательства неуклонно поддерживать инициативы герцога Брауншвейгского, уже одобренные в 1782 г. масонским конгрессом в Вильгельмсбаде. Их суть состояла в унификации ордена, осуждении иллюминатов¹⁷, преодолении раскола масонства путем отказа от хаотичного «изобретения» новых, в том числе «рыцарско-тамплиерских», обрядов¹⁸. Распространение в Москве «научного масонства» и самого ордена розенкрейцеров имело целью формирование особой административной надстройки, призванной заменить существование высших степеней в других обрядах. Для координа-

ции усилий в Россию прибыл немецкий эмиссар Г. Шредер¹⁹. В 1787 г., в качестве уполномоченного московских розенкрейцеров в Берлин выехал А.М. Кутузов.

Сотрудничая с московскими «братьями», «вольные каменщики» Пруссии решали свои стратегические задачи: добиваясь единодушия и единоначалия, они пытались установить контроль над масонскими обрядами всей Европы, отобрать пальму первенства у могущественной и становившейся враждебной Британии. В этой ситуации роль новоявленных московских розенкрейцеров выглядит подчиненной. На самом деле российские «братья» сумели обрести для себя немалые выгоды: установление особых контактов с немецкими масонами, в противовес Британии и Швеции, помогло им занять более выгодное место в орденовой иерархии, выйти на европейскую арену. На конвенте в Вильгельмсбаде, участниками которого были И.Г. Шварц и П.А. Татищев, территория Российской империи была признана самостоятельной масонской провинцией. До этого Россия располагала статусом IX провинции в рамках «шведского» обряда. Однако он являлся сепаратистским, а потому не признавался другими странами. На основании нового решения 30 апреля 1784 г. в Москве состоялось учреждение Провинциального капитула и директории, назначенного для управления российскими ложами. В состав руководства вошли князь Н.Н. Трубецкой, Н.И. Новиков и П.А. Татищев. Деканом провинции был избран видный московский масон князь Ю.Н. Трубецкой.

В целом состоявшиеся перемены носили весьма умеренный характер. Об этом говорит тот факт, что московские розенкрейцеры не прервали отношений со старой руководящей элитой братства. К примеру, негласным покровителем поручика в отставке Н.И. Новикова оставался генерал-фельдмаршал князь Н.В. Репнин. Будучи радикалами лишь в глазах малограмотных обывателей, масоны-розенкрейцеры предпочитали дистанцироваться от опасных политических увлечений. Об этом свидетельствуют уникальные документы, сохранившиеся в масонских архивах Москвы. Особый интерес вызывает «Циркуляр об иллюминатах в Германии», распространенный в 1787 г. Анонимные авторы, выражая настроения провинциальных розенкрейцеров, характеризовали политизированный немецкий орден как «вредоносную секту», которая отвлекает истинных масонов от «чистой Христианской Религии». Столь же отрицательно были оценены стремления главы иллюминатов А. Вейсгаупта к «необузданной независимости от светской и духовной власти». Его приверженцы были названы ложными просветителями и даже душеубийцами. Все «истинные братья» призывались к тому, чтобы «противостоять врагу», и следовать собственной морали, которая предусматривала служение «Учению и образу Спасителя и Мастера нашего Иисуса Христа»²⁰.

Несмотря на скромные возможности, деятельность московских розенкрейцеров Н.И. Новикова, С.И. Гамалеи, И.В. Лопухина, И.Г. Шварца, П.А. Татищева, И.П. Тургенева составила серьезную конкуренцию столич-

ным ломам. Прежде всего она была направлена на упрочение позиций благотворительно-христианского направления в отечественном масонстве. По оценкам московского главнокомандующего князя А.А. Прозоровского, розенкрейцерские ложи в короткое время объединили около 800 человек²¹. Впрочем, их популярность власть не обрадовала. Особое беспокойство у князя, который не симпатизировал масонам, вызывали зарубежные связи московских мартинистов-розенкрейцеров. Перлюстрация писем позволяла ему судить об их интенсивности. В списке авторов писем значились А.М. Кутузов, А.А. Плещеев, Н.Н. Трубецкой, И.Г. Шварц, Г.Я. Шредер, И.В. Лопухин, Н.М. Карамзин, Н.И. Новиков, А.А. Ржевский, И.П. Тургенев. Их корреспондентами были видные прусские масоны, включая герцогов Брауншвейгского и Гессен-Кассельского.

Розенкрейцеры пытались усилить свое влияние, для чего в Москве были образованы Дружеское общество и Педагогическая семинария, на 10 лет взята в аренду типография Московского университета (Типографское общество)²². В летописи русского Просвещения период 1779–1789 гг. принято называть «Новиковским десятилетием». О проделанной работе свидетельствуют богатейшие коллекции масонских книг и брошюр. Московские розенкрейцеры наладили широкий канал для распространения в России влияния западноевропейских писателей-мистиков, подготовивших становление консервативного течения в идеологии «вольных каменщиков». Их трактаты активно обсуждались в масонских ложах. Поскольку эти трактаты часто попадали в списки литературы, не одобренной Русской православной церковью, издатели печатали их малыми тиражами, они предназначались для узкого масонского круга.

Более широкое распространение среди российского читателя получили труды крупнейшего мистика XVIII в. Л.-К. Сен-Мартена. С ним русские масоны завязали в Риме, Париже и Лондоне личное знакомство. Автор культовой книги «О заблуждениях и истине», только что изданной в России²³, привлек внимание неслучайно: мартинизм, воспринятый розенкрейцерами в качестве идеологического компонента, прогивопоставлялся радикализму французского Просвещения. Энциклопедисты были объявлены врагами немецкого мистического ордена. Разумеется, такая позиция не являлась тайной для французских мыслителей. Давая оценку книге Сен-Мартена, Вольтер писал Гельвецию: «Не думаю, чтобы когда-либо было напечатано что-либо более абсурдное, темное, сумасшедшее и глупое, чем эта книга»²⁴.

Масла в огонь концептуального спора добавили события Великой французской революции. По мнению русских масонов-розенкрейцеров, она стала результатом политического заговора. Эмиссар московских мартинистов А.М. Кутузов, побывав в июле 1789 г. в Париже, характеризовал революцию как «возмутительный акт насилия» со стороны вольнодумцев, просветителей, иллюминатов²⁵. Это мнение разделяли и в Москве: в письме И.В. Лопухина в Берлин от 14 октября 1790 г. революционная Франция

называется юродствующей и несчастной²⁶. Розенкрейцеры, конечно же, знали, что в предреволюционной Франции «истинные» масоны также пытались добиться стабилизации. Активное содействие в этом им оказали российские «братья». В 1773 г. герцог Ф. Орлеанский, кузен короля, осуществил важную реформу масонского ордена: были созданы структуры Великого Востока Франции, лояльного по отношению к монархии и объединившие все капитулы, советы и «шотландские» ложи. Участником этих событий был граф А.С. Строганов. Его включили в состав руководства Великого Востока и поручили работу по редактированию важнейших уставных документов.

В столь напряженной ситуации московские розенкрейцеры сосредоточились на распространении политически нейтральной «классики» масонской литературы. Их стараниями наибольшей популярностью стали пользоваться сочинения К.Ф. Кеппена²⁷, В. Гучинсона²⁸, Т. Уилсона²⁹, И.А. Штарка³⁰, К.Г. Плуменекса³¹. В типографии И.В. Лопухина было начато издание популярного масонского альманаха, который распространялся по подписке³². Труды французских просветителей ими не издавались.

27 марта 1786 г. Екатерина II подписала указ о запрете на распространение опасных по содержанию книг. В проскрипционные списки попали многие масонские издания³³. Действия властей активизировались после начала Великой французской революции. Свою роль сыграли также доносы князя А.А. Прозоровского: он подозревал розенкрейцеров в «заведении новой церкви», во вмешательстве в государственные дела и даже в республиканизме. «Мартинисты, – писал Прозоровский императрице, – считают Христа своим начальником и действуют Его именем, а это значит: где Христос управляет, то тут другого правительства, как гражданского, так духовного, быть не может... Через книги и школы они пытаются приготовить умы к тому, чтобы их признать законниками»³⁴. Он характеризовал масонов-розенкрейцеров, которых в совокупности именовал мартинистами, политическими преступниками, и радовался, что ему удалось разрушить их опасный замысел.

Маховик репрессий в Москве был запущен. В начале лета 1792 г. был арестован, а затем приговорен к 15-летнему заключению в Шлиссельбургской крепости масон и розенкрейцер Н.И. Новиков. Пострадавший «за идею», не признавая вины, он объяснял на следствии, что «истинное масонство ведет к нравственному исправлению»³⁵. Помимо него были допрошены Н.Н. Трубецкой, И.В. Лопухин и И.П. Тургенев. Одним из главных результатов разгрома московских розенкрейцеров стали ограничения свободы издательской деятельности³⁶.

Расправа над Новиковым поставила под вопрос существование всех российских «вольных каменщиков». Усилия генерала П.И. Мелиссино, вознамерившегося создать национальный масонский орден, ситуацию не изменили. Императрица не без оснований связывала деятельность «вольных каменщиков» с проникновением в Россию влияния столь ненавистой ей

французской революции. Особые опасения при дворе вызвало воздействие масонского вольномыслия на цесаревича Павла.

Первое столкновение масонства и самодержавия закончилось для братства «легким испугом»: в указе А.А. Прозоровскому, подписанном 1 августа 1792 г., Екатерина не объявила о запрете масонских лож³⁷. Однако многие исследователи пишут о якобы состоявшемся в конце XVIII в. роспуске масонства в России³⁸. На самом деле, суровое наказание Н.И. Новикова, который был охарактеризован императрицей как «фанатик», явилось лишь грозным предупреждением его последователям в Москве и покровителям в С.-Петербурге. После этого деятельность масонских собраний России, впервые уличенных в неблагонадежности, верноподданнически замерла сама по себе.

Смерть Екатерины II изменила ситуацию. Павел I отменил враждебные по отношению к масонству указы прежних лет. Однако внимание императора было обращено на установления официальных отношений с рыцарями ордена госпитальеров (иоаннитов), резиденцией которых с 1530 г. являлась Мальта³⁹. Со времен Крестовых походов мальтийские рыцари поддерживали тесные связи со многим царственным домам Европы. После захвата острова войсками Бонапарта в 1798 г. российский император незамедлительно принял титул Великого Магистра ордена, обеспечив ему покровительство.

Подлинный взлет российского масонства пришелся на время правления Александра I. Однако он оказался недолгим. Указ от 1 августа 1822 г., спустя три десятилетия после осуждения Н.И. Новикова, приравнял масонские собрания к тайным обществам и навсегда запретил их в Российской империи.

Масонское движение в России уже в начале своего существования оказало мощное духовно-нравственное и культурное воздействие на общество. Вне всяких сомнений, новомодное увлечение должно было содействовать приобщению патриархальной православной страны к исповедуемым «вольными каменщиками» либеральным ценностям западноевропейской цивилизации. Однако традиционная для России корреляция внешнего духовного влияния, ставшая прерогативой самодержавия, в скором времени поставила масонское движение вне закона.

Примечания

¹ Карпачев С.П. Масонская интеллигенция России конца XIX–начала XX века. М., 1998. С. 22.

² Соколовская Т.О. Капитул Феникса: Высшее тайное масонское правление в России (1778–1822 гг.). Пг., 1916.

³ Даринский А.В., Старцев В.И. История Санкт–Петербурга. СПб., 2002. С. 52.

⁴ Соловьев О.Ф. Русские масоны: От Романовых до Березовского. М., 2005. С. 97.

⁵ Киселев Н.П. Из истории русского розенкрейцства. СПб., 2005. С. 201.

⁶ Там же. С. 61–62.

⁷ Всеобщие законы // НИОР РГБ. Ф. 14 (Арсеньев В.С.). Ед. хр. 2. Л. 19–20.

⁸ Соловьев О.Ф. Указ. соч. С. 31.

- ⁹ Соколовская Т.О. Устав Вольных Каменщиков (XVIII–XIX вв.): Из материалов для истории русского масонства. СПб., 1907. С. 5–16.
- ¹⁰ Смит Д. Работа над диким камнем: Масонский орден и русское общество в XVIII веке. М., 2006. С. 9.
- ¹¹ Киселев Н.П. Указ. соч. С. 208.
- ¹² Йейтс Ф.А., Йейтс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000. С. 363.
- ¹³ Fama Fraternitatis, То есть Вещание Братства высокохвального Ордена Р. К. к государям разного состояния, людям и ученым в Европе // НИОР РГБ. Ф. 14 (Арсеньев В.С.). Ед. хр. 178. Л. 25.
- ¹⁴ Там же. Л. 25–26.
- ¹⁵ Андреев А. Р. Ассасины, карбонарии, розенкрейцеры, масоны. М., 2001. С. 100.
- ¹⁶ Киселев Н.П. Указ. соч. С. 206.
- ¹⁷ Орден иллюминатов (просветленных) был создан в 1776 г. в Баварии, пытался приобрести политическое влияние, был запрещен в 1784 г.
- ¹⁸ Hammermayer L. La crise de la Franc-Maçonnerie Européenne et le convent de Wilhelmsbad (1782) // Dix-huitième siècle. La Franc-Maçonnerie. Revue annuelle publiée par la Société française d'étude du XVIII siècle. № 19. P., 1987. P. 73–95.
- ¹⁹ Киселев Н.П. Указ. соч. С. 208.
- ²⁰ НИОР РГБ. Ф. 14 (Арсеньев В.С.). Ед. хр. 458. Л. 1–4.
- ²¹ Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века: 1780–1792 гг. Пг., 1915. С. XXII.
- ²² Бакунина Т. А. Знаменитые русские масоны. М., 1991. С. 31.
- ²³ Сен-Мартен Л.-К. О заблуждениях и истине, или Воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знания. М., 1785.
- ²⁴ Барсков Я.Л. Указ. соч. С. XXXIX.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 16.
- ²⁷ [Кетпен К. Ф.] Крата Репоа, или Посвящение в древнее тайное общество египетских жрецов. М., 1779.
- ²⁸ [Гучинсон В.] Дух масонства: Нравоучительные и истолковательные речи. М., 1783.
- ²⁹ [Уилсон Т.] Масон без маски, или Подлинные таинства масонские, изданные со многими подробностями точно и беспристрастно. СПб., 1784.
- ³⁰ [Штарк И. А.] Апология, или Защищение ордена Вольных Каменщиков. М., 1784; Он же. О древних мистериях, или таинствах, бывших у всех народов. М., 1785.
- ³¹ [Плуменек К. Г.] Влияние истинного свободного каменщикства во всеобщее благо государств. М., 1816.
- ³² Магазин свободно-каменщикеский, содержащий в себе: речи, говоренные в собраниях; песни, письма, разговоры и другие разные краткие писания, стихами и прозою: В 7 т. М., 1784.
- ³³ Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. Кн. 1. СПб., 1884. С. 407, 446.
- ³⁴ Барсков Я. Л. Указ. соч. С. XIV.
- ³⁵ Ответы Новикова Шешковскому в Шлиссельбурге в июне 1792 г. // Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. Время Екатерины II. Ч. II. Вып. 3. М., 1923. С. 226–236.
- ³⁶ Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 19–34.
- ³⁷ Старцев В. И. Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 23–24.
- ³⁸ Платонов О. А. Криминальная история масонства, 1731–2004 гг. М., 2005. С. 59.
- ³⁹ Захаров В. А. Суверенный Мальтийский орден: взгляд сквозь века // Новая и новейшая история. 2004. № 1. С. 184–204.